

Целители быстро выполнили приказ, и Наруаки зашипел от волнения, когда Анко издала громкий вопль и потянулась к нему, чтобы вцепиться когтями, когда ее руки освободились. "Какаши, ее руки!"

Какаши мгновенно среагировал и прижал ее руки к матрасу, не отпуская, несмотря на все ее усилия.

Наруаки тихо зарычал и быстро забрался на неё, осторожно, чтобы не раздавить её своим весом, перебрался на живот.

"Слезь с меня, ублюдок!" - почти кричала она, но Наруаки не обращал внимания на ее жалобы. Мягко, но твердо он взял ее за подбородок и заставил обнажить шею. Печать была очень нестабильной, но в то же время очень активной, причиняя Анко сильную боль и душевные муки.

Наруаки знал, что в конце концов воля Анко одержит над ней победу, но он также знал, что она будет несколько затруднена.

"Нару-кун! Что ты делаешь!" спросила Рин, с ужасом глядя на тринадцатилетнюю стройную девочку, с трудом удерживающуюся под весом высокого мускулистого мужчины.

Она чуть было не двинулась вперед, но Какаши бросил на нее взгляд: "Рин! Позволь Наруаки разобраться с этим. Он знает, что делает".

"Но Каши-кун!"

"Рин." Наруаки резко отчитал ее: "Ты отвлекаешь меня". Он с шипением ударил кунаем по ладони, пустив кровь из раны. Когда кончики пальцев окрасились его собственной кровью, он прижал Анко к себе и начал рисовать печать вокруг проклятой печати. Это было лучшее, что он мог сделать, пока раны Анко не затянутся. После этого он попытается применить к ней Фуджа Хоин (метод запечатывания зла).

Он проклинал себя за то, что не изучил досконально Тен-но Дзюин (Небесную проклятую печать). После того как Итачи навсегда запечатал Сасукэ, Наруаки не стал больше об этом узнавать. У него не было ни времени, ни желания. Сасукэ был убит через некоторое время после этого, и у Наруаки не было причин изучать то, что причинило ему столько боли.

Он хмыкнул, когда Анко неожиданно пошевелилась, и раздраженно шипнул. Подняв руку, он отвесил ей резкую пощечину.

Все замерли, включая Анко, которая смотрела на Наруаки расширенными, ошеломленными глазами.

"Я прошу прощения". Он жестко заявил, не обращая внимания на ее покрасневшую щеку, и принялся исправлять ошибку, которую вызвали движения Анко. "Если я ошибусь, тебе будет еще больнее". Он объяснил это прямо, прежде чем собрать свою чакру. "Печать подавления". Он прошептал, и кандзи, написанные кровью, засветились.

Анко издала хриплый крик, когда проклятая печать запылала и запульсировала под слабой печатью подавления.

"Анко, послушай меня". приказал Наруаки, его голос был резким и громким. "Сила проклятой печати заманчива, но за нее приходится платить. Откажись от нее. Тебе не нужна эта испорченная сила, Анко. Помоги мне, тебе нужно сосредоточиться".

Девушка издала слабый стон, по ее щекам потекли слезы, когда она боролась с болью.

"Вот так." Наруаки сказал: "Хорошая девочка, Анко, отвернись от этой силы. Она тебе не нужна". Он тихонько вздохнул, заметив, что печать подавления работает, хотя и вяло, чтобы противостоять проклятой печати. "Хорошая девочка". прошептал он, зорко следя за ходом дзюцу.

Наконец проклятая печать затихла, и Наруаки расслабился, встал с кровати и взял тряпку, которую предложил Какаши, чтобы прижать ее к ране на ладони.

Анко лежала на кровати, устремив ошарашенные глаза в потолок. Она дрожала, была белой как полотно, но Наруаки знал, что скоро она поправится. Он кивнул санитарам, и те бросились обрабатывать ее раны, а Рин подошла к нему.

"Прости, что сомневалась в тебе, Нару-кун. тихо прошептала она, взяв его раненую руку и направив в нее часть своей целительной чакры. Когда рана начала закрываться, она обмотала руку Наруаки бинтом и вздохнула: "Бедная девочка".

Наруаки хмыкнул и провел пальцами по волосам. "Эта печать долго не продержится". Мне нужно знать, когда она будет достаточно здоровой, чтобы выдержать достойную нагрузку. У меня на примете есть более мощная печать, которая должна подавить проклятую печать более эффективно. Однако это значительно истощит ее силы".

Рин вздохнула: "Я дам тебе знать, как только она поправится". Она вопросительно посмотрела на него: "Как долго будет действовать печать подавления?"

Наруаки пожал плечами: "Максимум три дня, и то в зависимости от того, насколько сильна ее собственная воля. Без сомнения, она должна оставаться сильной еще как минимум тридцать часов".

Она нахмурилась, выглядя обеспокоенной. "Тогда нам придется работать быстро".

"Это ты сделаешь". пробормотал Наруаки, бесстрастным взмахом руки направляясь к двери.
"Сообщите мне, если случится что-то неладное".

У Рин расширились глаза: "Куда ты идешь?"

Наруаки взглянул на нее и сухо ответил: "Домой".

Рин проследила за тем, как Наруаки исчез из виду: "Почему этот разъяренный..."

"Что именно он сделал?" спросил Какаши, выглядя скучающим и в то же время несколько озадаченным.

"Мне не нравится, что он просто вальсирует, как будто это место принадлежит ему! Без всякого разрешения!"

Какаши поднял бровь: "Ему не нужно твое разрешение, чтобы приходить и уходить, когда ему заблагорассудится, Рин".

Она надулась: "Я знаю! Но есть кое-что, называемое вежливостью, о которой вы, мальчики, похоже, забыли".

Какаши смотрел на неё, озадаченный её гневом.

Вдруг он что-то понял, и его глаза радостно изогнулись, а на губах под маской появилась ухмылка.

Рин настороженно посмотрела на него: "Почему ты так смотришь на меня?"

Какаши наклонил голову в сторону в притворном замешательстве: "Как?"

Рин нахмурилась, ее лицо медленно приобрело румяный оттенок: "Вот так! Как будто ты думаешь о чем-то грязном!"

Какаши хихикнул.

"Заткнись!"

Какаши поднял руки в знак капитуляции: "Я ничего не говорил".

Рин бросила на него взгляд: "Но ты думал об этом!"

Какаши поднял бровь: "Что думал?"

Рин зашипела, ее лицо покраснело. "Ну, знаешь..." - смущенно пролепетала она.

Какаши ухмыльнулся: "Нет, я не знаю. Пожалуйста, просвети меня".

"Какаши..." - почти прорычала она, и Какаши забавно заметил. "Это не смешно!"

АНБУ покачал головой: "А по-моему, да". Он лукаво улыбнулся ей: "Не волнуйся, Рин-тян, твой секрет в безопасности".

"Какаши, ты идиот!"

<http://tl.rulate.ru/book/101001/3470041>